

² XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б) 26 июня–13 июля 1930 г. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1935. С. 285.

³ Академическое дело 1929–1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Санкт-Петербург, 1993. Вып. 1. Дело по

обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993. С. 37–38.

⁴ *Bunper P.Ю.* Кризис исторической науки. Казань, 1921; *его же.* Круговорот истории. М.; Берлин, 1923; *его же.* Коммунизм и культура, Рига, 1925.

А.М. Филитов. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941–1990. М.: Наука, 2009. 333 с.

Рецензируемая монография базируется на разнообразных источниках, архивных изысканиях в отечественных и немецких, австрийских, английских архивах, широком круге отечественной и зарубежной литературы. Обращаясь к историографии вопроса, А.М. Филитов (Институт всеобщей истории РАН) подчеркивает, что в работах российских авторов отмечается принципиальная общность национальных интересов России и Германии, как и то, что советская политика была ориентирована на позитивные ценности – мир, снижение напряженности, единство Германии на компромиссной основе. Но методы реализации политических установок были зачастую неадекватные, потому и результат получался противоречащим тому, что задумывалось. Такая концепция имеет приверженцев и в немецкой историографии (В. Лот, Р. Штейнгер, Д. Штаритц, Э. Шерстяной, Г. Бензер, В. Отто). Диаметрально противоположных взглядов придерживаются немногие западные историки, постулирующие советскую агрессивность, намерение захватить или поставить под свой контроль Германию и всю Европу. Бытует и третья концепция, которую можно назвать «средней» или «промежуточной» между двумя упомянутыми. За СССР признается намерение «контролировать» лишь часть Германии – восточную, в которой он осуществлял свои функции оккупационной державы. Эта концепция может объединить представителей различных воззрений (Г. Грамль, В. Лот, У. Смайсер, И. Фошево, К. Ругенталер, М. Уль).

Книга состоит из 8 глав, выстроенных по тематически-хронологическому принципу: 1. 1941–1945 гг.: плюрализм в планировании; 2. 1945–1949 гг.: планирование или реагирование?; 3. 1949–1952 гг.: генезис и характер «битвы нот»; 4. Год 1953-й: упущенные возможности; 5. 1954–1958 гг.: от «нормализации» к кризису; 6. 1958–1964 гг.: кризисная дипломатия Хрущева; 7. 1964–1970 гг.: на пути к разрядке; 8. 1970–1990 гг.: два государства или одно?

Рассматривая советское планирование в отношении Германии в годы Великой Отече-

ственной войны, Филитов останавливается на предложениях 3 комиссий при Наркоминделе, возглавлявшихся соответственно М.М. Литвиновым, И.М. Майским, К.Е. Ворошиловым. Первая из них занималась вопросами послевоенного устройства и разделения Германии, вторая – репарациями и использованием труда немцев. Деятельность третьей и главной комиссии под руководством Ворошилова заслуживает, по мнению Филитова, отдельного монографического исследования. Ее отличие от двух предыдущих комиссий состояло в том, что она исходила из принципа сохранения единого германского государства с центральным правительством и силовыми структурами (с. 63). В комиссии Ворошилова высказывались разные взгляды, сталкивались разные мнения. Результирующий вектор был таков: образцом для послевоенной Германии должна быть не «советская», не «социалистическая», а Веймарская, буржуазно-демократическая модель. Дальнейшие действия: чистку госаппарата от нацистов, возмещение ущерба жертвам гитлеровской агрессии должно было выполнять правительство единого германского государства, разумеется, под контролем союзников (с. 67). Эта комиссия была «единственным органом, где формулировалась советская позиция по обсуждавшимся ЕКК [Европейской консультативной комиссией] документам о капитуляции Германии» (с. 70).

Потсдамское соглашение, подписанное 2 августа 1945 г. главами государств антигитлеровской коалиции – СССР, США и Великобритании, как пишет Филитов, стало основным документом, определившим общие принципы политики союзников в Германии – известные «4 Д» (демилитаризация, денацификация, декартелизация, демократизация). Политические принципы решения германского вопроса были согласованы на Потсдамской конференции практически без дискуссии. Советская позиция вырабатывалась в комиссии Ворошилова, но подготовленные комиссией документы оказались не востребованными во время капитуляции. Отдельные их части были обнародованы односторонними актами побе-

дителей: военные в Декларации о поражении Германии от 5 июня 1945 г., политические – в Потсдамском соглашении. За основу согласованного текста был принят американский проект (с. 103).

Обращаясь к рассмотрению послевоенного времени, автор особо выделяет советскую ноту по германскому вопросу, врученную заместителем министра иностранных дел А.А. Громыко послам США, Великобритании, Франции 10 марта 1952 г., которая стала центральным событием периода, характеризующегося как пик или разгар конфронтации. Этот документ и последовавший за ним 4-кратный обмен посланиями между дипломатическими ведомствами СССР и западных держав, получивший название «битва нот», был и остается главным пунктом дискуссии историков. История данной проблемы принадлежит к редким феноменам, когда чем больше появляется документов, тем больше возникает вопросов и тем труднее вынести окончательный исторический приговор (с. 138).

Одно из объяснений этого шага советской дипломатии – попытка вновь договориться с Западом (с. 141). Наиболее активную роль в плановой работе МИД по подготовке ноты 10 марта 1952 г. играл человек, с 1949 г. из него удаленный, – В.М. Молотов (с. 152). Весь документ, по словам Молотова, «был направлен на критику трех оккупационных держав – США, Великобритании и Франции», а правительство К. Аденауэра нигде не затрагивалось и, более того, приглашалось участвовать в создании Общегерманского Учредительного Совета (с. 153). По мнению немецкого историка Г. Веттига, эта нота была реакцией на растущую «суверенизацию» западногерманского государства. Филитов возражает ему, считая, что Веттиг игнорирует очевидные факты: советские проекты были направлены не на агрессию, не на «подрыв» ФРГ, а на «отграничение» от нее и на предотвращение «подрыва» ГДР, и носили оборонительный, консервативный характер. Кроме того, в советском планировании существовали и другие, менее конфронтационные подходы (с. 169).

Рассматривая противоречия между «жестким» подходом Сталина и его единомышленников и «умеренной» линией группы Молотова в деле решения германского вопроса, автор резюмирует: «Если Сталин и его единомышленники действительно думали о “тактическом маневре” и “операции в пропагандистской войне”, то для группы Молотова шла речь, по-видимому, о большем – попытке найти какие-то центристские, компромиссные варианты, дабы добиться развязки германского вопроса или, по крайней мере, предотвратить его обострение»

(с. 170). Молотов избегал конфликта со Сталиным, не отстаивал свои в принципе разумные взгляды и тут же брал под козырек, если сталкивался с противоположным мнением первого лица. «В условиях острой конфронтации и непримиримой позиции Запада сталинская установка была более реалистичной и оправданной» (с. 171).

Слабость режима в ГДР, обнаружившаяся в ходе июньских событий 1953 г., и стабилизация положения в ФРГ, выразившаяся в убедительной победе Аденауэра на выборах в сентябре 1953 г., позволили дипломатии западных держав впервые в послевоенный период перехватить инициативу в германском вопросе. Запад стал форсировать созыв конференции по общегерманским делам и настаивал на проведении безотлагательных общегерманских выборов (с. 203). Далее автор уделяет особое внимание «кризисной дипломатии» Хрущева 1958–1964 гг., возведению Берлинской стены 13 августа 1961 г., которое стало «вторым днем рождения ГДР». Это событие оказало разнообразное воздействие на политику в сфере решения германского вопроса и, по мнению некоторых политиков и исследователей, привело к последующей разрядке международной напряженности, а такого западногерманского политика как социал-демократ В. Брандт подтолкнуло к проведению новой восточной политики. Брандт оказался для СССР «оптимальным партнером» (с. 294). Переговоры по дипломатическим каналам после того, как Брандт стал канцлером, привели к подписанию 12 августа 1970 г. Московского договора. Заключение и вступление в силу «восточных договоров», согласно Филитову, оказало парализующее влияние на советское внешнеполитическое планирование в отношении Германии, и в 1970–1990 гг. стоял вопрос: два государства или одно? (с. 304).

Далее, особенно в период перестройки, происходили постоянные подвижки в советской позиции по германскому вопросу. В декабре 1989 г., после своего визита в Москву тогдашний министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер считал, что «советское руководство уже настроилось на признание неизбежности объединения Германии» (с. 309). В связи с этим рассматриваются позиции М.С. Горбачева, М.А. Шеварднадзе и других лидеров перестройки, и в конечном счете их согласие на членство объединенной Германии в НАТО. В результате обсуждения в рамках советского МИД советская сторона приняла «пакет договоренностей», которые «закрыли» германский вопрос, заключает Филитов (с. 313).

В результате исследования автор приходит к следующим выводам. В советском планиро-

вании отсутствовали направления решения германской проблемы, которые предусматривали бы «завоевание» всей Германии, ее «советизацию» – либо путем экспорта революции, либо каких-либо иных методов. Существовал конфликт между моделью сохранения (либо восстановления) единства Германии на компромиссной основе и моделью «отграничения» восточной ее части от западной и интеграции ее в сферу своего влияния (оформленную с 1955 г. в виде Организации Варшавского договора). Этот конфликт прослеживался на этапе планирования военного времени, усилился во времена холодной войны и играл свою роль даже в процессе германского объединения. Компромиссно-прагматическую линию представляло сообщество профессиональных дипломатов, а жестко идеологизированную позицию отстаивали представители партийного аппарата.

Автор выделяет такие фигуры, причастные к формированию основных направлений планирования, как Ворошилов, Литвинов, Майский, В.С. Семенов, В.М. Фалин и др., подчеркивает, что многие из них проделали заметную эволюцию в воззрениях на объединение Германии. «В каждом отдельном случае за этой эволюцией стояли определенные причины и мотивы. В случае с В.С. Семеновым можно говорить, видимо, о глубокой травме, которую ему нанесли события 1953 г. в ГДР, в случае с В.М. Фалиным – об обиде на то, что его попытка договориться об объединении напрямую с руководством ФРГ (через канал Н.С. Португалов – Х. Тельчик) не нашла поддержки М.С. Горбачева, такую он, видимо, находил со стороны Л.И. Брежнева в 1970 г., при подготовке Московского договора и позднее» (с. 330).

Но не профессиональные дипломаты определяли политику и ее планирование. Противоречия существовали на высшем уровне. Советское руководство никогда не было монолитным. На планы и акции в отношении германского вопроса влияли противоречия между различными группировками в составе высшего политического руководства. Филитов не присоединяется к критикам политики и личности М.С. Горбачева, поскольку в экспертном внешнеполитическом сообществе курс на «уход из Германии» рассматривался как неизбежность. Тем не менее автор отмечает такие недочеты, как запаздывание с принятием решений, игнорирование мнения профессионалов-герма-

нистов, определенный дилетантизм и наивная вера в то, что личное обаяние может заменить продуманную стратегию, и одновременно неспособность лидеров страны навести дисциплину среди подчиненных.

Возникает вопрос: почему в борьбе разных концепций побеждала не лучшая, а худшая? Это вопрос относится не к тем, кто разработывал планы на аппаратном уровне, а к тем, кто эти планы рассматривал, принимал или отвергал, а зачастую заменял собственными. Автор снова обращается к примеру Молотова, который по интеллекту, опыту и авторитету не уступал первым лицам, взгляды которых считал, мягко говоря, не вполне адекватными. Однако он неизменно оказывался в проигрыше, уступал, следовал партийной дисциплине, воле «вождей». Из этого, по мнению автора, важно извлечь урок: по-настоящему эффективной может быть только политика демократического государства. «В этом – надежда современной России и одновременно предупреждение ей» (с. 332).

Монография не лишена некоторых недостатков и упущений. Так, имеется известное противоречие в утверждениях автора, что позиция Молотова по германскому вопросу была более взвешенной, но во избежание конфликта со Сталиным, тот «не отстаивал свои в принципе разумные взгляды», и в одновременной констатации, что «сталинская установка была более реалистичной и оправданной». Спорным является выдвинутое положение, что в 1970–1990 гг. ребром стоял вопрос: «два государства или одно?». Представляется, что для советского руководства вплоть до последних лет перестройки, когда СССР оказался настолько слаб экономически, что все более и более попадал в зависимость от Запада, не стоял вопрос о «сдаче» своим противникам по холодной войне первого на немецкой земле «государства рабочих и крестьян». Официальный визит Горбачева и его участие в праздновании 40-летия ГДР были призваны показать, что СССР поддерживает восточногерманское руководство.

В целом же эту столь нужную и своевременную монографию можно считать первым в российской историографии многосторонним, комплексным историческим исследованием позиции СССР по германскому вопросу.

**В.П. Любин, доктор исторических наук
(Институт научной информации по общественным наукам РАН)**